

Юрий Конопляников: «Где выгода, там и потери»

Юрий Конопляников — персона известная в литературном мире: заместитель председателя исполкома МСПС и председателя президиума Международного Литфонда, прозаик, драматург. Немногие, наверное, знают о другой стороне его творчества: он — профессиональный актёр. Окончил легендарный ГИТИС, где вместе с Александром Абдуловым учился на курсе народного артиста СССР Иосифа Раевского. Член Союза кинематографистов России.

Юрий Викторович снялся на сегодняшний день более чем в пятидесяти фильмах, включая телесериалы, среди них такие известные, как «Лесник», «Адвокат», «Громы», «Семейные обстоятельства», «Станица» и другие.

— Юрий Викторович, вы много и активно снимаетесь. Как думаете, сегодня не самое лучшее время для кинематографа?

— Много ли вы снимаетесь и какое сегодня время? Это как посмотреть. Какой-то довольно большой период я пропустил...

— Десятилетие годы?

— Кино в то время почти не снимали. Потом я понемногу вошёл во вкус. Но прежде вступил в Союз писателей и сосредоточился на литературе, а также, в силу должности, на административной работе. Конечно, сожалею об упущенном. Надо было уделять кино хотя бы немного внимания. Но постепенно наверстываю: список киноработ пополняется.

— Вы выбираете роли или роли выбирают вас?

— Кто-то из моих друзей спросил недавно: зачем ты снимаешься? Это же не главные роли, если бы главные — тогда понятно. На что я ответил: дело в другом, дело в азарте. Таких, как я, конечно, сотни, но приглашают почему-то меня.

— Хороший ответ. К тому же, как говорил Станиславский, нет маленьких ролей...

— ...есть маленькие артисты. Я не привередничая в этом смысле. Охотно играю всё подряд. Отказываюсь только от совсем уж пустых ролей, от кровавого натурализма, от физиологических, патологоанатомических изысков.

В таких случаях мой отказ категоричен.

— Пустые роли, пустые фильмы — сегодня не редкость. Почему, на ваш взгляд, так упало качество кино?

— По поводу упадка я не соглашусь. А вот качество, действительно, снизилось. И связано это с тем, что кинематограф переведён на коммерческие рельсы, в связи с чем мы многое потеряли. У актёра теперь нет времени на проникновение в роль: сегодня выдали текст, завтра обязан сыграть. Зачастую сцены снимают без погружения в последовательность событий, вне развития сюжета, характера. Последняя сцена может сниматься первой. И артисту трудно предугадать поведение персонажа, эмоциональное состояние, нюансы.

Между тем, как ни странно, наше национальное киноискусство всегда строилось не на режиссёрских эффектах, а на игре актёров. Это главное, что может привлечь внимание зрителя и удерживать его на протяжении фильма.

— В одной из пьес у Чехова сказано: «Но средний актёр стал выше». Можно это отнести к нашему времени?

— Несмотря на коммерческие рамки, уровень актёрской игры не снизился. Другое дело — даёт ли сценарий актёру простор? В связи с этим мы испытываем некоторую неудовлетворённость.

На самом же деле, потенциал у нас высок. Актёры великолепные. Я же

сталкиваюсь со многими на площадке и вижу уровень. И старая школа ещё осталась. Меня потрясает, скажем, Николай Гаврилович Сморгонь. Я с ним на съёмках «Лесника» встретился. Он играл в фильме «Летят журавли». Окончил курс Сергея Герасимова и Тамары Макаровой, учился вместе с Николаем Рыбниковым.

— Актёрская слава такова: одним вершишь, другим корешки. Кого вы сыграли у Калозова?

— У него был труднейший эпизод в госпитале: он играл солдата, которого бросила невеста. Превосходный актёр. И когда оказываешься рядом с такой школой, с таким опытом и богатством, то испытываешь необыкновенную радость от возможности соприкоснуться со всем этим в работе. У нас установился очень хороший контакт, хотя ему уже 84 года.

Можно вспомнить Вадима Александровича Александро, который когда-то сыграл миллионера Евсея в «Уса-том няне». С ним мы тоже в «Леснике» встретились. Узнаваемый актёр, а ни заносчивости, ни фанатизма. Есть только умение сходу влияться в работу, чувствовать кадр, слышать партнёра. Качество присуще артистам старой школы, они не растрастили его.

Крепкая ли закуска или неистребимое мастерство актёров дают надёжную некоторую неудовлетворённость кинематографа ещё будут шедевральные ленты.

— Считаете, что возобладавший в стране коммерческий подход не исключает качественного кино и допускает создание шедевров?

— Ответу утвердительно. Основание для этого — процесс, в котором крутятся режиссёры. Я вижу, как они растут в жёстких условиях. От фильма к фильму возрастают их способности и уровень. Конвейерное производство не исключает качества, находок, таланта.

Мне довелось сняться в пяти лентах одного режиссёра, так что у меня была возможность наблюдать его в течение нескольких лет. Я вижу масштаб этого мастера. Он не только адаптировался к требованиям продюсеров, но и научился совмещать количество и качество. Это Илья Максимов. Я убеждён, что совсем скоро он займёт ведущее место в кинематографе. И мы поговорим, нако-

думаю, что это правильно. Зачем адаптировать чужое, если можно создавать своё?

— В последние годы модными стали ремейки. Снято продолжение «Иронии судьбы», «Джентльмены удачи»... Или это не мода, а опять же коммерция?

— Я думаю, здесь преследуют выгоду. А где выгода, там и потери, только более высокого порядка. Качественного кино из продолжений не получилось. Превзойти оригинал почти невозможно. Однако сборы были неплохими — зрители шли на обманку, и это устроило создателей ремейков.

— Каких фильмов, по вашему мнению, ждёт зритель?

— Уверен, это должны быть картины высокого духовного наполнения, с идеалами добра и справедливости.

подобраны актёры. Замечательный оператор. В итоге мы получили зрелищное кино, которое хочется смотреть.

— Но «Жизнь и судьба» того же режиссёра — тяготятина.

— Вероятно, слаб сам роман Гроссмана: занудно написан. Бесконечное пережевывание одного и того же. Вот и определи, где та золотая середина, которая гарантирует качество.

— В советское время качество обеспечивали художеты. Фильм возвращался на доработку ещё на уровне сценария...

— Сегодня сценарии пишутся на ходу, дописываются на площадке. Выбор делает всё тот же продюсер. А он не желает рисковать. В итоге мы имеем то, что имеем.

— Не лучше ли голливудская система, когда автор сценария выбирает и продюсера, и режиссёра, и исполнителей ролей?

— У нас в советское время было что-то подобное. Например, Шолохов лично утвердил на роль Аксиньи в «Тихом Доне» Элину Быстрицкую, и не только её одну. С автором в то время советовались, он всегда лучше знает своё произведение, чувствует своих героев. Сегодня же писатели поставлены в такое положение, что с их мнением никто не спешит считаться. В том числе продюсеры и режиссёры.

С другой стороны, не всякого автора стоит экранизировать. Возьмите, к примеру, Юрия Полякова, этого «Козлёнка в молоке». Перенесли стёбовую повесть на экран, и что получилось? Недоразумение и досада — на автора, режиссёра, артистов. Не стоило тратить ни времени, ни денег. И так во все писательские труды Полякова — картонные и фальшивые.

Кино и телевидение делают людей узнаваемыми, медийными. Это не гарантирует качества. Скорее, напротив. Степень, высоту таланта определяет само произведение, а не навязчивое повторение по телевизору завлечения о нём. Быть человеком — главная задача на Земле. Этим и надо руководствоваться. По-настоящему талантливого художника скромен, поглощён работой. Только в труде рождаются подлинное произведение литературы, искусства. На них я и уповаю. За ними будущее. В том числе, кинематографа.

Николай АНТОНОВ

Кадр из фильма «Прямые доказательства»

не, о художественных достижениях в современном отечественном кино. И это несмотря на рамки коммерции, в которые зажаты режиссёры.

Это не значит, что я идеализирую коммерцию. Вот недавно прошла информация, что одна из крупнейших российских кинокомпаний «Амедиа» переходит на выпуск продукции только на основе зарубежных сценариев. Дескать, это выгоднее. Там и раньше снимались адаптированные версии иностранных фильмов, преимущественно сериалы, теперь планируется специализация исключительно на них. Я не

Серьёзный зритель никогда не примет примитивные боевики и допотопные сериалы. Нужно серьёзное кино, поднимающее острые проблемы современности и «проклятые вечные вопросы».

Работать в убыток, конечно, нельзя. Но ведь можно совмещать художественность и коммерцию. И такие решения, полагаю, будут. Некоторые наметки, проблески уже есть. В качестве примера приведу многосерийный фильм Сергея Урсуляка «Ликвидация». Здесь и высокая идея, и качественный сценарий. Прекрасно

«Солнечный удар» Вопросы и ответы в кадре и за кадром

Как это всё случилось? Почему? Ради чего погибло столько людей, разрушена страна? Как могли допустить это? Что теперь делать?

Эти вопросы задавали сами себе почти сто лет назад пленные белые офицеры. Звучат они в кинодраме «Солнечный удар», и, к сожалению, актуальности за прошедшее столетие не потеряли.

О вечных вопросах и бесконечном поиске верных ответов мы беседуем со вторым режиссёром фильма «Солнечный удар», сербским кинематографистом, живущим в Женеве, Станиславом ПОПОВИЧЕМ

— Для начала немного о себе...

— Я родился в Белграде и жил там до восьми лет. У меня была няня из Украины — Зинаида, очень хорошая женщина. Именно она привила мне любовь к искусству. Рассказывала украинские сказки, водила в детский кинотеатр, в кукольный театр, сама умела делать кукол. Поэтому я жил в мире наполовину реальном, а наполовину воображаемом.

Когда мне было восемь лет, мы уехали в Швейцарию. Я окончил среднюю школу и затем попал в экспериментальный колледж имени Жан-Жака Руссо. Мне очень нравилось, что там была своя телевизионная студия с кинокамерой. Мы сами писали сценарии и снимали фильмы. Позже я познакомился с известным швейцарским актёром Жан-Люком Бидо, который посоветовал продолжить учёбу в Пражской киноакадемии. Я так и сделал. В группе, кстати, со мной учился Эмир Кустурица.

По окончании академии я получил первый приз за фильм «Часофония» на фестивале в Карловых Варах, и это меня окрылило. Затем был конкурс La Course autour du monde («Пробегка по миру»), который сыграл важную роль в моей жизни. Из 200 претендентов выбрали 30 участников, и я был в их числе. Мне предложили сделать телерепортаж на 3-5 минут. Были пасхальные каникулы, и я пошёл в православную церковь, снимал песнопения, крестный ход в полночь. Это экзотика для Швейцарии. Та картина очень понравилась жюри, и мне сказали, что я попал в группу из пяти человек, которые будут представлять Швейцарию. А потом в Париже выбрали двоих победителей. Когда я узнал, что должен отправиться в кругосветное путешествие на пять месяцев... Это было чудо. Я получил камеру, плёнку, सूточные и... каждую неделю должен был по-

сылать репортаж из страны, где был. Но не просто что-то классическое, а что-то необычное, интересное, чего люди ещё не видели и не знали. Так я путешествовал больше пяти месяцев, снял 27 фильмов, раз 50 летал на самолёте, вертолёте. И... выиграл этот конкурс.

— Опыт работы на телевидении оказался полезным?

— Это была хорошая школа, но работать на телевидении я не хотел бы. Больше 75 млн человек смотрели передачу «Пробегка по миру», так что когда я вышел на улицу, прохожие подходили ко мне и говорили: «Благодаря тебе мы увидели, как живут люди там или там». Но тогда же я узнал очень важную вещь: телевидение умеет и любит обманывать. И люди верят обману. Когда снимаешь кино, ты можешь просто сказать: «Вот, ребята, это игра, я всё это насочинял». А на телевидении — я понял — можно врать.

— В мире кино вы добились весомых успехов, став соавтором нескольких знаменитых фильмов, сотрудничая с прославленными артистами и режиссёрами...

— Да, среди них Изабель Юппер, Ришар Бери, Автагидил Махарадзе, Даниель Ольбрыхский, Армен Джигарханян, оscarоносные Жюльет Бинош и Даниель Де Луис... В качестве второго режиссёра сотрудничал с Бобом Мендалом, Филом Кофманом, Федерико Феллини. А ещё была работа с Милошем Форманом и Эмиром Кустурицей, которых вместе с Никитой Михалковым считаю самыми крупными современными славянскими режиссёрами.

Для меня дорог Эрланд Йозефсен — великий актёр из Швеции, который снимался во многих картинах Бергмана, у Тарковского в «Жертвоприношении» и «Ностальгии».

Благодарен судьбе за встречу с Михал-

ковым, с которым познакомился в Канаде. Огромным удовольствием работал с ним над обеими частями эпопеи «Утомлённые солнцем». И вот — «Солнечный удар», фильм, за который нам всем не стыдно.

— Отличительное качество хорошего кино — в погружении в атмосферу времени, в предлагаемые обстоятельства. Не зря говорят, что Бог проявляется в деталях. Именно детали, которых иногда кажется слишком много, и делают фильм завораживающим, тревожащим сердце человека, способного улавливать красоту в простых вещах. Некая затянута и недосказанность «Солнечного удара», на мой взгляд, продуманы режиссёром, так как именно благодаря им зритель испытывает в финале настоящее потрясение...

— Наш фильм — своеобразное обращение к людям, приглашение ещё раз задуматься над главными человеческими ценностями. Для того чтобы понять, как всё случилось, когда началось, откуда явились эти ненависть, озлобленность, разделившие общество на непримиримые, мстительные группы, герой фильма, поручик, вспоминает свою жизнь... В ней, на мой взгляд, и кроются ответы на все вопросы. Он словно вновь переживает мимолётное греховное увлечение молодой замужней женщиной, ставшее последствием для него настоящим наваждением, «солнечным ударом». Он ведь тогда не замечал и не слышал ничего вокруг...

На вопрос простодушного паренька Егория, прочитавшего теорию Дарвина: «Так что, получается, что мы все от обезьян? И матушка моя... и даже царь?» — поручик, как бы отстраняясь от долгих объяснений, просто ответил, что всё зависит от того, во что человек верит.

Или не верит. Егорий с его открытостью и восприимчивостью мог вырасти человеком, несущим добро и веру. Но её-то он и потерял. Конечно же, не только из-за теории Дарвина. Вероятней всего — из-за равнодушия, деградации общества, постепенно утрачивающего духовность в бесконечной гонке за сиюминутной выгодой и наживой.

Уже взрослый Егорий, видя, как тонет баржа с пленными офицерами, и понимая, что он причастен к этому убийству, захочет, было, перекреститься, но вместо этого лишь поправит комиссарскую кепку, опасливо посмотрев на командующих расправой чекистов. Всё это — греховное наваждение, равнодушие, потеря во время пылких объятий крестика, а, в целом, утеря веры в Бога — и лежит в основе ответов на вопросы «Как это случилось? Почему произошло?».

В одной из рецензий на наш фильм я прочитал: «Концептуальным стержнем

образуется». И самое главное — сегодня это актуально для наших стран. Фильм у нас многослойный. Очень важно напомнить каждому о личной ответственности за всё происходящее вокруг. Ведь сто лет назад мы, тонкие, начитанные господа так и не поняли, что беспечно и безвольно проморгали растущую ненависть к своей праздности, избранности и безответственности. А революция беспощадна, и чтобы её избежать, надо много думать и делать, а не разглагольствовать, развратничать и воровать. Бунина надо читать! Помните, в «Окаянных днях»:

«Часто вспоминаю то негодование, с которым встречали мои будто бы сплошь чёрные изображения русского народа... И кто же? Те самые, что вкормлены, вспоены той самой литературой, которая сто лет позорила буквально все классы, то есть "попа", "обывателя", мещанина, чиновника, полицейского, помещика, зажиточного

людей, как белых, так и красных? Может быть, за маловесть, за нарушение библейских заповедей? Но всё же, возможность выбора — в каждом из нас. И каждый затем получает, что заслужил... «Какой-то народ» не простил чужого равнодушия и собственного бесправия, паразитично легко окунаясь в жестокую атмосферу Гражданской войны, бездумно уничтожая веру и Отчество.

Это история о том, как красивая солнечная жизнь, похожая на отлаженную паровую машину, вдруг разрушилась. А в новой жизни есть и бандиты с революционной риторикой, и относительно честные люди, которые часов не вернут, но при этом в Бога не верят. Вот и сегодня всё то же самое. Потому фильм предостерегает: «Будьте бдительными, не думайте, что вас ничего не касается. Касается, потому что всё это — ваша жизнь, ваша страна, ваш город или посёлок, в конце концов». Финальные титры, где указано, что во время Гражданской войны погибли 8 млн человек, только подкрепляют эту истину. Это страшно. И это было всего сто лет назад. Не зря поэты сказали: «То, что было, с тем, что стало, помоги связать в одно, жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино».

— О кинематографе, как о погоде, можно говорить много и долго. Но поскольку кратко по-прежнему остаётся сестрой таланта, как в нескольких словах охарактеризовать состояние кинопроцесса и ваши впечатления?

— Кто-то сказал, что успешные фильмы должны быть или культовыми, или провокационными. Доля истины в этом есть. Хорошо ли это? Каждый решает для себя. Фильмов выходит много. И кинофестивали проводятся немало. Не так давно один из них прошёл в Женеве. Там должен был демонстрироваться и «Солнечный удар». Но поскольку впереди ещё Берлинский фестиваль, где он будет представлен, пришлось отказаться от участия в женевском кинофоруме. Там победил достойный фильм, среди которых «Класс коррекции» Ивана Твердовского, «Слепые свидания» Левана Когашвили, «Как меня зовут» Нагны Сайфуллаевой... Но вот мне очень понравился фильм «Собачий рай» Анны Черкановой и Александра Адабашяна. Очень доброе, трогательное кино, редкое по нынешним временам. Но оно даже не вошло в длинный лауреатский список. Не «культовое».

— А какие планы на будущее в душе Станислава Поповича?

— Главное для меня — воспитать хорошего человека из сына, а также снимать свои фильмы. Знаю, что Кустурица собирается делать кино в России, в этом случае буду работать с ним. Есть и свой проект — фильм, который называется «Слеза в пустыне».

Кадр из фильма «Солнечный удар»

становится взаимосвязь личностного и общенационального греха, погубивший отзвук ошибок прошлого в настоящем, роль мечтательности, лжи и самообольщения в процессе падения человека и страны в целом». На мой взгляд, это точное понимание наших замыслов. Дефицит доброты, милосердия, сострадания, внимания к людям, потеря веры в Бога, лёгкость грехопадения — всё это прокладывало дорогу к революции и братоубийственной войне.

Я думаю, главная мысль фильма в том, что нельзя допускать оскорбительного для человеческой сути разделения общества, возникновения конфликтов, приводящих к взаимному уничтожению.

Для этого каждому человеку надо начать с себя, с собственных мыслей, не ждать, что «всё как-то само собой

крестынина — словом, вся и всех, за исключением какого-то "народа" — безлошадного, конечно».

— На мой взгляд, авторскому коллективу фильма удалось, связав две истории, два времени в единое целое, передать «бунническое» настроение: необъяснимое, которое действует на человека, задевая сокровенные струны в душе, почти на уровне подсознания. Фильм по-буннически нетороплив. И при кажущейся растянута, очень строго скомпонован, ведя за собой в поисках ответов и героев, и зрителя...

— Вообще весь фильм — на аллегориях. И главный герой — не поручик, а вся царская Россия. Речь ведь идёт о трагедии всего народа, его социальных слов. За что были уничтожены миллионы

людей, как белых, так и красных? Может быть, за маловесть, за нарушение библейских заповедей? Но всё же, возможность выбора — в каждом из нас. И каждый затем получает, что заслужил... «Какой-то народ» не простил чужого равнодушия и собственного бесправия, паразитично легко окунаясь в жестокую атмосферу Гражданской войны, бездумно уничтожая веру и Отчество.

Это история о том, как красивая солнечная жизнь, похожая на отлаженную паровую машину, вдруг разрушилась. А в новой жизни есть и бандиты с революционной риторикой, и относительно честные люди, которые часов не вернут, но при этом в Бога не верят. Вот и сегодня всё то же самое. Потому фильм предостерегает: «Будьте бдительными, не думайте, что вас ничего не касается. Касается, потому что всё это — ваша жизнь, ваша страна, ваш город или посёлок, в конце концов». Финальные титры, где указано, что во время Гражданской войны погибли 8 млн человек, только подкрепляют эту истину. Это страшно. И это было всего сто лет назад. Не зря поэты сказали: «То, что было, с тем, что стало, помоги связать в одно, жизнь моя, кинематограф, чёрно-белое кино».

— О кинематографе, как о погоде, можно говорить много и долго. Но поскольку кратко по-прежнему остаётся сестрой таланта, как в нескольких словах охарактеризовать состояние кинопроцесса и ваши впечатления?

— Кто-то сказал, что успешные фильмы должны быть или культовыми, или провокационными. Доля истины в этом есть. Хорошо ли это? Каждый решает для себя. Фильмов выходит много. И кинофестивали проводятся немало. Не так давно один из них прошёл в Женеве. Там должен был демонстрироваться и «Солнечный удар». Но поскольку впереди ещё Берлинский фестиваль, где он будет представлен, пришлось отказаться от участия в женевском кинофоруме. Там победил достойный фильм, среди которых «Класс коррекции» Ивана Твердовского, «Слепые свидания» Левана Когашвили, «Как меня зовут» Нагны Сайфуллаевой... Но вот мне очень понравился фильм «Собачий рай» Анны Черкановой и Александра Адабашяна. Очень доброе, трогательное кино, редкое по нынешним временам. Но оно даже не вошло в длинный лауреатский список. Не «культовое».

— А какие планы на будущее в душе Станислава Поповича?

— Главное для меня — воспитать хорошего человека из сына, а также снимать свои фильмы. Знаю, что Кустурица собирается делать кино в России, в этом случае буду работать с ним. Есть и свой проект — фильм, который называется «Слеза в пустыне».